

дова и студенческий хор под управлением известного регента-композитора И.П. Райского.

В стенах института устраивались открытые лекции профессоров и лекторов на темы научные, философские, исторические. Проводились вечера, на которых студенты выступали с докладами, велись диспуты.

Особенное значение институт придавал празднованию Дня русской культуры. Этот день отмечался особенно торжественно. Вообще же собрания и вечера проходили в дружеской атмосфере, часто сопровождаемые чаепитием.

В существовании института можно выделить три периода: первый — с основания до советско-китайского конфликта 1929 г.; второй — с 1929 до 1936 г., когда институт подчинялся китайской администрации, и третий — с 1936 до 1937 — ликвидационный (при японцах), когда на место смещенного проф. С.В. Кузнецова был назначен проф. К.И. Зайцев.

Институт закрылся 1 января 1937 г. За время своего существования он выпустил около сотни педагогов, которые преподавали в школах Харбина и на периферии. Некоторые из окончивших институт работают при Департаменте образования в Австралии, другие — в Америке, России, государствах СНГ.

Примечания

¹ См.: Политехник: Орган объединения инженеров, закончивших Харбинский политехнический институт, издающийся в г. Сиднее (Австралия). Юбилейный выпуск. 1969–1979.

² Золотарева Т.И. Педагогический институт // Русские в Китае. 2005. №43. С. 22–24.

В.А. Липатов (УрГУ)

МЕТАЛЛУРГИЯ В ЗЕРКАЛЕ УРАЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Урал с его огромными природными ресурсами уже давно привлекал внимание не только промышленников, но и поэтов, в том числе и народных. «...А в Казанской стране золото, серебро, в Астраханской стране крупен жемчуг, а в Сибирской стране честное камень, соболиный мех», — завершил свой поэтический рассказ о начале освоения в позднем Средневековье восточных окраин Московской Руси безымянный создатель заговора «На отыскание кладов»¹.

Однако нынешнее свое лицо «опорного края державы», места добычи и обработки рудного сырья и производства изделий из металла, Урал стал обретать уже в новое время, вместе со строительством медеплавильных и железоделательных заводов. Впрочем, наряду с крупными предприятиями, где труд и мастерство отдельного рабочего растворялись в общем технологическом процессе, в крае существовали полукустарные заводики и совсем допотопные кузницы, изготавливавшие небольшие партии изделий, где либо вся технологическая цепочка от добычи сырья, его переработки и получения конечного продукта, либо знаковая часть этой цепочки исполнялись если не одним мастером, то относительно небольшой группой работников. Именно их труд стал объектом поэтического внимания создателей и исполнителей фольклорных текстов.

Впрочем, и высокоценная руда уральских недр тоже могла стать источником поэтического вдохновения. Так, отправляясь на рыбалку, уралец, чтобы обеспечить себе богатый улов, натирал крючок куском обладавшей магнитными свойствами руды и при этом приговаривал: «Как этот магнит тянет к себе и крупное, и мелкое железо и сталь, и как от этого магнита не отстает ни мелкая, ни крупная ни сталина, ни железина, так бы и к этому крючку притягивались бы и не отставали ни мелкая, ни крупная рыба» (ПГВ, 1880, №85). Наличие на Урале залежей магнитного железняка нашло свое отражение и в других фольклорных жанрах, например, преданиях², а также в уральских топонимах и оронимах³.

Слово «железный» достаточно часто встречается в поэтическом языке русского фольклора. Как правило, оно подчеркивает необыкновенную крепость предмета. Так, например, сказочный герой, отправляясь на битву, просит сковать себе железную палицу, а, собираясь в дальний путь, запасается не только железным посохом, но и такими же крепкими чоботами и даже ковригами. В общерусских заговорах нередко в качестве орудий наказания упоминаются не только «железные прутья», но также «дубцы» и даже «бич»⁴.

Не то в уральском фольклоре, здесь железо чаще фигурирует как название конкретного металла. «Шел отец Авраам с самолюбным своим сыном Исааком, *по тяжести своей несут полосу железную...*»⁵ Выделенный мной фрагмент, это не «бич» и не «дубцы» — официально признанные орудия наказания — а вполне конкретное металлическое изделие. И хотя сюжет цитируемого заговора традиционен — изгнание из тела больного «огневиц», олицетворяющих недуги — у людей, хотя

бы немного знакомых с историей становления металлургического производства на Урале, склонившаяся под тяжестью своей ноши поэтическая группа невольно приобретает конкретные черты тех монахов-металлургов из Долматовского монастыря, которые вместе с первыми поселенцами закладывали основы железоделательного производства на Урале.

Помимо «железа» в уральских заговорах фигурируют и такие его разновидности, как «сталь», «булат», «уклад». При этом они не только упоминаются, но и характеризуются, как по внешним признакам («...как из булату, из *синего* укладу огонь камнем выбивается...»), так и по своим физическим свойствам («...Будьте, мои слова, крепки и лепки, *крепче* булата, *плотней* уклада. Шелк не рвется, булат *не гнется*, уклад *не ломается*...»)⁶. Знание свойств металла и превращение этих знаний в элементы поэтического текста присутствует и в других жанрах народного творчества, зафиксированных в крае. Эта особенность отмечена исследователями, например, в русских сказках⁷.

Мы, тем не менее, вернемся к заговорам, записанным в Уральском регионе. Вот фрагмент из обширного любовного заговора-«присушки», найденной членом УОЛЕ П.А. Шилковым в Васильево-Шайтанском заводе (ныне г. Первоуральск): «...Батюшки ветры, батюшки вихори! В темном лесе, в топком болоте стоит изба, в той избе живет стар-матер человек; у того стара-матера человека есть три девицы, три огненные огневицы; у них есть три печки: печка медна, печка железна, печка оловянна. Они жгли дрова — двою годовалы, трою годовалы, пяти годовалы — жарко, ярко, пылко, емко. А вы с теми девицами совокупитесь и соложитесь и пустите мою тоску, и пустите мою сухоту с дымом, с паром, с жаром...» (Зап. УОЛЕ. 1895. Т. 15. Вып. 1. С. 54).

Все в этом фрагменте знаменательно, все относится к металлургическому производству. Прежде всего, лежащий на поверхности призыв к ветрам «совокупиться и соложиться» с девицами-«огневицами» — антропоморфными олицетворениями огня. Мифологический «брак» — универсальный культурный архетип. В нашем случае «плодом» его должна была стать необыкновенно высокая температура, которая в реальной жизни достигалась либо естественным, либо искусственным, с помощью мехов, нагнетанием воздуха в плавильную печь. Осуществление подобной технологии в печах-домницах произвело настоящую революцию не только в металлургии, но и в человеческой цивили-

лизации: на смену бронзы пришло железо, а с ним и новая эра в истории человечества.

«Темный лес, топкое болото», словом, пространство за пределами села — обычное место расположения деревенской кузницы — источника повышенной пожароопасности для «бревенчатой» России. Кроме того, из ржавой болотной кашицы, содержавшей бурый железняк, наши предки иногда получали исходное сырье для своих кустарных домен.

Наконец, «стар-матер человек» — персонаж, предполагающий самую широкую идентификацию. Это может быть и кузнец, и колдун, и, наконец, олицетворение древнего архетипического образа Огня, хотя и укрощенного, но по-прежнему вызывающего страх. «Спи, царь Огонь, спи, царица Искра!» — приговаривали на Урале, когда гасили на ночь свечу.

Использование в поэтическом языке заговора образов из сферы железоделательного производства было обусловлено, прежде всего, целеустановкой жанра. Исполнитель, искренне веривший в силу заговорного слова, пытался достичь максимального эффекта, выразив свою просьбу через сравнение с чем-то сходным, что он наблюдал в окружающем его мире. Так жар в печи-домнице должен был вызвать такой же «сердечный жар» в душе девушки или парня и «присушить» их.

Кроме того, кузнецы в традиционной культуре нередко наделялись колдовским даром, умением не только сковать брачный венец, но и навеки соединить мужчину и женщину. «Кузнец, кузнец! Ты скуй мне венец» — пели девушки во время святочных гаданий. «...Бес Салчак, не куй белого железа, а прикуй доброго молодца!» — просит исполнительница еще в одном любовном заговоре. «Бесом» кузнец здесь назван, по-видимому, в период безвременья, когда прежние языческие ценности постепенно уходили в прошлое, а новые христианские еще не обрели необходимого веса и авторитета.

У древних славян богом-покровителем и огня, и кузнецов был Сварог. Он, согласно древним текстам, не только научил наших предков кузнечному ремеслу, снабдив их для этого необходимым инструментом, но и «устави единому мужу едину жену имети, а жене за един муж посягати»⁸. Мировая религия уничтожила языческих кумиров, но не смогла упразднить полезной профессии. Кузнечному ремеслу требовались новые христианские покровители. Ими стали святые Кузьма и Демьян, но лишь тогда, когда согласно легенде переняли у беса труд-

нейшую для эпохи смены язычества христианством кузнечную операцию: сваривание железа и стальных вкладышей⁹.

Совершенно иной уровень кузнечного ремесла продемонстрирован в любовном заговоре, найденном все тем же П.А. Шилковым в Нейво-Рудянском заводе: «По край святого моря-Окияна стоит свят злат кузнец Сергей Чудотворец, кует и скатывает сталь с укладом и уклад железом...» (ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 732). Герой-исполнитель этого поэтического произведения наследует главные черты, присущие традиционному фольклорному образу кузнеца: он, подобно Сварогу, покровительствует брачным узам и, что особенно важно для нашей темы, трудится над изготовлением так называемой «дамаскированной стали», когда крепкие и красивые, с «муаровым узором», заготовки для холодного оружия, изготавливались не литьем, а «катанием». Стальные и железные полосы, обладающие не только различными механическими свойствами, но отличающиеся по цвету, проковывались под молотом, затем сгибались, снова проковывали, снова «скатывались» и так до двенадцати раз¹⁰.

«Конечно, вся эта поэзия была занесена на Урал колонизаторами из внутренней России еще в XVI–XVII вв.», — предполагал выпускник Казанского университета, активный член УОЛЕ и уральский историк А.А. Дмитриев. Может быть, хотя текстологические исследования позволяют с уверенностью утверждать, что процесс сложения заговорных текстов пусть даже из привнесенных извне словесных образов и формул протекал здесь, на Урале.

Но даже и целиком заимствованные тексты, если они складываются в некую систему, отражающую специфику региона бытования или доминирующие занятия населения, все равно принадлежат местной фольклорной традиции. Ведь фольклор — это, прежде всего, способ самовыражения коллективного бессознательного, осуществляемый через выбор и подсознательный отбор поэтических текстов и сюжетов.

В нашем случае тексты, поэтизирующие кустарное металлургическое производство, вполне обоснованно концентрируются в регионе России, где добыча руды, а также выплавка и обработка металла являются определяющими в материальной культуре, а, следовательно, влияют на коллективное бессознательное и потому участвуют в формировании образного языка региональной субкультуры.

Примечания

¹ Великорусские заклинания. Сб. Л.Н. Майкова. СПб., 1994. С. 105 (№263).

² Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы. / Сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Кругляшовой. Свердловск, 1991. С. 97–99.

³ Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987. С. 114; Он же. От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984. С. 212, 246–248.

⁴ Соколов А. Духовные стихи. Заговоры. Изд. Общества археологии, истории и этнографии при Казан. университете. 1892. Т. 10. Вып. 3. С. 337; Забылин И. Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 362; Шейн П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 544.

⁵ Серебренников В. Народные заговоры, записанные в Оханском уезде Пермской губернии. Пермь, 1918. С. 18.

⁶ Великорусские заклинания. №211, 150.

⁷ Вронская В.А. Фольклорные материалы Ивана Яковлевича Стяжкина в Государственном архиве Свердловской области // Народная проза. Свердловск, 1976. С. 94–99.

⁸ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 530.

⁹ Богатырев П. Несколько легенд Шенкурского уезда Архангельской губернии // Живая старина. 1916. Вып. 4, прил. С. 75; Скуратов В.Ф. Деревенская кузница. Л., 1927. С. 16; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. АН СССР. 1948. С. 235–236.

¹⁰ Шлатгер И. обстоятельное описание рудного и плавильного дела... СПб., 1765. С. 128.

А.С. Луньков (ИИиА УрО РАН)

ВОЕННО-ШЕФСКАЯ РАБОТА ТЕАТРОВ УРАЛА В 1941–1945 гг.

Военно-шефская работа занимала значительное место в деятельности театров Урала в годы Великой Отечественной войны. Концерты и спектакли в подшефных госпиталях, воинских частях, на предприятиях, в колхозах и совхозах являлись серьезным вкладом уральских театральных коллективов в победу советского народа в Отечественной войне.

Специальное Положение о культурном шефстве профсоюза РАБИС (работников искусств) над частями РККА, ВМФ, Аэрофлота и НКВД было утверждено еще в 28 июня 1938 г.¹ В 1938 г. по стране было дано около 13890 шефских концертов, в 1939 — 29020, а в 1940 —